

DOI: 10.31857/S086919080001868-1

Для цитирования: Рубец М.В. Рецензия на: Бо Цзюй-и. *Сто стихов цзюэ-цзюй*. Пер. с кит. (вэньянь), пред. и коммент. Н.А. Орловой. М.: ФГБУН ИВ РАН, 2017. 218 с., ил. (Ученые записки ИВ РАН. Отдела Китая. Вып. 25). *Восток (Oriens)*. 2018. № 5. С. 232–240. DOI: 10.31857/S086919080001868-1

For citation: Rubets M.V. Review of: Bo Ju-yi. *Sto stihov jue-ju* [Bo Ju-yi. One Hundred Jue-ju Poems] / Translated from *wenyan*, prefaced and commented by N.A. Orlova. MOSCOW: FGBUN IV RAN PUBL., 2017. – 218 p. – (Ucheny'e zapiski Otdela Kitaya IV RAN [Scientific Notes of the Department of China]. Vol. 25. Ed.: A.I. Kobzev et al.) (in Russian). *Vostok (Oriens)*. 2018. № 5. Pp. 232–240. DOI: 10.31857/S086919080001868-1

БО ЦЗЮЙ-И. СТО СТИХОВ ЦЗЮЭ-ЦЗЮЙ.

Пер. с кит. (вэньянь), пред. и коммент. Н.А. Орловой. М.: ФГБУН ИВ РАН, 2017. 218 с., ил. (Ученые записки ИВ РАН. Отдела Китая. Вып. 25).

© 2018

М. В. РУБЕЦ

Институт философии РАН, Москва, Россия
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7307-206X>
maria.bereznyak@gmail.com

Недавно в Москве вышел в свет сборник переводов ста стихотворений в жанре *цзюэ-цзюй* одного из трех величайших поэтов эпохи Тан (618–907) – Бо Цзюй-и (772–846). Переводчиком, составителем, автором предисловия и комментариев к ним выступила старший научный сотрудник ИВ РАН кандидат философских наук Наталия Александровна Орлова. Творчество Бо Цзюй-и стало апогеем поэтического течения, соединившего в себе конфуцианскую, даосскую и буддийскую традиции [Смертин, 2013, с. 173], а форма четверостиший *цзюэ-цзюй* – “оборванных строк” – отразила возврат танских поэтов к традиционным китайским символам, в частности к мироустроительному принципу, восходящему к нумерологической основе “Чжоу и”, или “И цзина” (“Канона перемен”), и характерному для самых разных сфер духовной жизни той эпохи [Сторожук, 2009, с. 43]. Таким образом, перевод стихов Бо Цзюй-и в жанре *цзюэ-цзюй* значим не только для Китаистов-филологов, но и для специалистов в области китайской философии, истории и т.д.

Данный труд невозможно переоценить: в нем достигнут качественно новый уровень преподнесения поэзии Бо Цзюй-и российскому читателю. Сто четверостиший (оригиналы и переводы) размещены в хронологическом порядке, образуя своеобразную ленту событий, дум и воспоминаний, отражающую биографию поэта примерно с 800 по 828 г., т.е. с 28-летнего до 56-летнего возраста. За каждым из переведенных стихотворений видна кропотливая работа по изучению предшествующего опыта переводов поэта, сопоставлению различных прочтений, соотнесению упоминаемых в стихах событий с историческими, культурными и социальными реалиями Китая того времени, сравнению пояснений и комментариев, которые могут быть полезны не только для читателя, не знакомого с китайской культурой и поэзией в частности, но и для специалистов, изучающих литературу и культуру Китая данного периода.

В предисловии Н.А. Орлова подчеркивает, что танской поэзии присущи рифма и размер и данный сборник является прежде всего поэтическим, а значит, и перевод должен быть максимально приближен к поэтической форме, чтобы донести до российского читателя полноту творческой мысли и таланта китайского поэта (с. 8–9). В стремлении передать поэтические произведения Бо Цзюй-и средствами русской поэтической речи Н.А. Орлова отличается от Л.З. Эйдлина (1909/1910–1985) – известного синолог, знато-

ка китайской поэзии и основного переводчика Бо Цзюй-и на русский язык, переведившего его с сохранением лишь ритмической организации стиха и без рифмовки. Тем не менее в предисловии она отмечает, что предлагаемый сборник следует рассматривать “как продолжение начатого, но, к сожалению, не законченного Л.З. Эйдлиным перевода четверостиший Бо Цзюй-и” (с. 8), что означает признание преемственности по отношению к предшественникам и уважение к их творческим достижениям и научным изысканиям.

Столь лиричное и благозвучное преподнесение китайской поэзии, какое мы видим в данной книге, указывает не только на безусловный стихотворный талант Н.А. Орловой, но и на проживание ею каждого переводимого произведения, проникновение в образ жизни и мысли поэта.

У переводчицы хороший поэтический слог, она свободно владеет стихотворными размерами, различной рифмовкой, поэтическими приемами. Особый талант проявился, на мой взгляд, в тех переводах, где Н.А. Орловой удалось передать поэтическими средствами не только смысл произведения, но и общее настроение. Например, в каждой строке стихотворения “Храм Завещанной Буддой любви” (遺愛寺, с. 90–91) ощущается приподнятость, радость, ликование от наслаждения природой, настолько легкими и звенящими словами описаны картины, окружающие поэта во время его прогулки:

Сижу у ручья, забавляясь камнями,
Брожу возле храма, любуюсь цветами,

Всечасно я слышу пичуг щебетанье,
И всюду ручья раздаётся звучанье.

Или в другом стихотворении – “Старик весной” (春老, с. 184–185) – Н.А. Орлова настолько трогательно передает самоиронию старика, его думы о безвозвратно ушедшей молодости, что при чтении этого произведения читатель, несмотря на переданный тонкий юмор поэта, невольно испытывает жалость и сострадание к лирическому герою.

Желая не отстать от молодежи,
весной гулять с трудом я выхожу,
Но вижу сам, что к этому пейзажу
уже совсем никак не подхожу.

Вот на экране пляски да гулянья,
на ширмах всюду радость на природе,
А тот, чья голова совсем седея,
себя в таких картинах не находит.

Н.А. Орлова хорошо знакома с предшествующими переводами поэта – не только Л.З. Эйдлина, но и Б.А. Васильева, Ю.К. Щуцкого, В. Перелешина и С.А. Горопцева, с достоинствами и недостатками этих переводов, с критикой и комментариями к ним. Отличия своего прочтения текста от уже существующих или, наоборот, согласие с ними она поясняет в комментариях, что характеризует Н.А. Орлову не как новатора-разрушителя привычных канонов, а как продолжателя переводческой традиции, начатой отечественными синологами.

Так, в четверостишии “Смотрю в зеркало” (照鏡, с. 64–65) смысл третьей строки у Н.А. Орловой контрастирует с переводом Л.З. Эйдлина. Обратив внимание на иероглифы 复, 更 и сочетание 藏年 в этой строке, Н.А. Орлова предлагает, на мой взгляд, довольно точный ее перевод: “Гляну я вновь, накопивши года...”. Перенос переживаний о своем зримом возрасте с исключительно настоящего времени на будущее раскрывает не только думы поэта о своем старении, но и его страх состариться еще больше через неко-

торое время. Эти переживания, понятные и знакомые многим людям, у Л.З. Эйдлина приобрели менее выразительный вид из-за интерпретации словосочетания 藏年 фразой “упрятать годы” в его неопубликованной кандидатской диссертации 1942 г., посвященной четверостишиям Бо Цзюй-и (цит. по: [Бо Цзюй-и, 2017, с. 65]):

Да можно ли упрятать глубже годы?
Моим летам ты, зеркало, не веришь!

У иероглифа 藏 действительно есть значение “прятать(ся)”, но помимо него другие значения имеют оттенок именно “сохранения, накопления”: “запасать, копить, сберегать, совершенствовать”, как свидетельствует расширенная, электронная версия “Большого китайско-русского словаря” [大 БКРС], поэтому прочтение Н.А. Орловой кажется более соответствующим оригиналу.

Еще одним различием двух переводов стала интерпретация иероглифа 岂. Л.З. Эйдлин перевел его в качестве грамматического показателя риторического вопроса “да можно ли...?”. А у Н.А. Орловой в двустишии “Гляну я вновь, накопивши года, // Ты не поверь в их реальность тогда!” он предстает в значении восклицательного слова “О..!” “Так..!”, выражающего приказание. Согласно электронной версии “Большого китайско-русского словаря”, обе интерпретации возможны [大 БКРС], поэтому оставлю эти тонкости на суд специалистам-филологам.

В “Элегии о реке на закате” (暮江吟, с. 106–107) Н.А. Орлова в отличие от переведившего это четверостишие С.А. Торопцева более точно передает смысл второй строки “半江瑟瑟半江红”: “Половина реки зелена, а другая красна” (с. 107). Иероглиф 半 (“половина”) не нашел никакого отражения у С.А. Торопцева: “Лазурь окрасив в розовое вдруг” [Три вершины..., 2017, с. 87]. Его перевод не сообщает, что река окрасилась лишь наполовину, а это может говорить о том, что солнце садится за высокий берег реки, который дает тень до ее середины, в результате чего цвет неосвещенной воды остается темно-зеленым. Отсюда следует, что поэт находится в этот момент на противоположном от заката берегу реки, любуясь одновременно и закатом, и рекой, что также может передать настроение, в котором он написал эти строки.

Помимо простой переводческой неточности можно заметить, что в версии С.А. Торопцева теряется отсылка к традиционной натурфилософской идее оппозиции женского и мужского начал *инь* и *ян*, которые увидел поэт в вечерней реке. *Инь* ассоциируется с темным, холодным цветом, с водой, тяжелой субстанцией, опускающейся вниз; *ян*, напротив, – со светлым, горячим, с огнем, солнцем, красным цветом, с легкой субстанцией, поднимающейся вверх. Взаимный переход начал *инь* и *ян* есть основа жизни, оно и отразилось в “Элегии о реке на закате”: солнце (чистый *ян*) на закате опускается вниз, к реке – воде (*инь*) и, уходя, растворяясь и исчезая, окрашивает часть воды в красный цвет (*ян*) – “оставляет след на воде”. И природа переходит в состояние *инь*: освещение темнеет, на небе воцаряется луна (месяц 月) – символ *инь*, на траве появляется роса – вода, которая также ассоциируется с иньской энергией. Река, разделенная пополам на темно-зеленый и красный цвета, становится визуальным воплощением символа *инь-ян*. В разбираемом переводе эта натурфилософская концепция, отраженная во втором стихе, не была упущена, что очень ценно для сохранения глубинного смысла стихотворения в целом.

Н.А. Орлова сопровождает свой перевод “Элегии о реке на закате” пометкой о ее написании в Цзянчжоу между 11-м и 13-м гг. Юань-хэ (816–818). В своем комментарии переводчица, ссылаясь на примечания А.И. Кобзева к кандидатской диссертации Л.З. Эйдлина, указывает, что в эти годы “третья ночь девятой луны” 九月初三夜 выпадала на промежуток от конца сентября до середины октября по западному календарю. Согласно данным китайского

электронного сервиса 万年历疯狂查询 wannianli.fkcha.com, третья ночь девятого месяца в 816 г. пришлось на 27 сентября, в 817 – на 16 октября, а в 818 – на 6 октября. Ни одну из этих дат нельзя назвать началом осени, как сделал С.А. Торопцев, поскольку и по западному календарю они соотносимы скорее с ее серединой. Все это делает перевод Н.А. Орловой более точным и более выигранным по сравнению с переводами ее предшественников.

Еще одной бросающейся в глаза особенностью являются предложенные Н.А. Орловой переводы названий некоторых растений, которые часто отличаются от вариантов Л.З. Эйдлина и других переводчиков. Там, где Л.З. Эйдлин давал лишь транскрипции, Н.А. Орлова подобрала русскоязычные названия для каждого растения. Пример тому можно найти в стихотворении “Ротанговая трость” (紅藤杖, с. 74–75):

И родня, и друзья – все за Чаньской рекою,
И повозки, и кони повернули с реки.

Только красная трость из ротанга со мною,
Она тысячи *ли* не покинет руки.

Н.А. Орлова поясняет свой выбор перевода названия растения 紅藤 *хун-тэн* в пользу именно слова “ротанг”, а не фонетической транскрипции “тэн”, использованной Л.З. Эйдлиным, в частности, тем, что в биноме с иероглифом 紅 *хун* оно обозначает ротанг, который использовался в Китае для изготовления тростей.

Русскому глазу названия китайских растений могут быть непривычны, не вызывать образных ассоциаций, выглядеть слишком наукообразными и взятыми из справочника по ботанике. Тем не менее Н.А. Орлова в комментариях неизменно поясняет каждое из этих названий, дает характеристику растениям, иногда прилагает их латинское наименование. Так читатель получает большую возможность представить образы или самостоятельно найти изображения растений, захвативших воображение поэта при написании стихотворения, что немаловажно для его более точного понимания.

Подобным примером может служить рогульник (рогульник плавающий/чилиим/чертов орех) в “Песне о сборе лотосов” (採蓮曲, с. 132–133):

Рогульника листья волна обегает,
и лотос дрожит на ветру,
Мой маленький челн путь себе пролагает,
где лотосы пышно цветут... –

в противовес *каштану* у Л.З. Эйдлина:

Волнами листья *каштанов* обвиты...(курсив мой. – М.Р.) [Бо Цзюй-и, 1949, с. 91].

Второй вариант не дает никакого понимания, что за растения окружают лирического героя (героиню) этого стихотворения, поскольку нам известен только один вид каштана, который обычно не растет у воды и чья листва расположена довольно высоко, а значит, никак не может быть омываема волнами реки.

Также приведу в пример четверостишие “Приглашаю гостей выпить под цветами древесного лотоса гибискуса” (木芙蓉花下招客飲, с. 160–161), которое в переводе Л.З. Эйдлина из диссертации 1942 г. называется “Приглашаю гостей пить под цветами фу-жуна” (цит. по: [Орлова, 2016, с. 470]). Очевидно, не каждый российский читатель знает такое растение, как *фу-жун*, что, видимо, и побудило Н.А. Орлову использовать здесь немного громоздкое, но точное название “древесный лотос гибискус”. В комментарии к стихотворению переводчица дает такое пояснение: «Гибискус (木芙蓉 *му-фу-жун*

или 芙蓉 *фу-жун*), или китайская роза, в Китае называется также “древесным лотосом” (木莲 *му-лянь*)» (с. 161). Следовательно, 木芙蓉 *му-фу-жун* / древесный гибискус из названия стихотворения оказывается тем же самым растением, что и упомянутый в его последней строке все еще цветущий 木莲 *му-лянь* / древесный лотос, а вовсе не “магнолия”, появившаяся здесь в переводе Л.З. Эйдлина и уводящая читателя в сторону от того места, куда приглашал поэт своих друзей, и из-за которой складывается ощущение, что он планировал их принимать под кустом цветущего фу-жуна, а любоваться при этом магнолией:

Пусть на реке и осыпался лотос,
Пышен магнолии цвет (цит. по: [Орлова, 2016, с. 470]).

В переводе Н.А. Орловой помимо отсутствия данного недостатка довольно удачно сохранен параллелизм в названиях растений, присутствующий в оригинале: 水莲 *шуй-лянь* и 木莲 *му-лянь* – водяной лотос и древесный лотос, первый из которых уже отцвел, а второй еще стоит усыпанный цветами и может порадовать глаз даже одинокого “пьяницы”, если гости так и не придут:

Пускай на воде весь осыпался лотос –
на дереве пышно цветет (с. 161).

Н.А. Орлова указывает на аллюзии в стихах Бо Цзюй-и. Скажем, в комментарии к переводу “Осенних цикад” (秋蟲, с. 42–43) отмечена ассоциация данного четверостишия с песней “Цикады в траве” из “Ши цзина” (“Канона стихов”). Она приводит культурные коннотации, символику упоминаемых растений или животных и птиц в китайской традиции, что имеет большое значение для понимания российским читателем всей глубины китайских стихов. Например, после четверостишия “Посылаю старшему брату” (寄上大, с. 46–47), начинающегося строкой “Осенние гуси без писем минули обитель мою”, следует комментарий о гусях 鸿 *хун* – крупных перелетных птицах, имеющих в Китае устойчивую коннотацию с известиями (письмами) из дома. Читателю становится ясно, что лирический герой, оказавшись на чужбине и ожидая весточки из родных краев, снова ее не получает. Здесь, возможно, стоило бы добавить, что в китайском языке словосочетание 来鸿 *лай-хун* – “прилетающие гуси” является синонимом выражения 来信 *лай-синь* – “весточка, полученное письмо” и, как правило, подразумевает письмо из далекого родного края.

Посмотрим комментарий к четверостишию “Проводы с напутствием не уходить с ветками ивы” (莫走柳條詞送別, с. 140–141): “В Китае была традиция при расставании ломать ветки ивы на память. Поэтому ива и ивовые ветки в китайской поэзии стали образами разлуки” (с. 141). Он дает некоторое понимание третьей строки “Иву слабую не мучьте глупой мукою”, хотя, на мой взгляд, не достаточно полное. Возможно, здесь следовало бы упомянуть о причине этой связи ивы и разлуки в китайском языковом сознании: китайское название ивы – 柳 *лю* созвучно с чтением иероглифа 留 *лю* – “оставлять, покидать”, а в бинеме 留念 *лю-нянь* – “(подарить) на добрую память”. Это созвучие и стало причиной того, что иву наделили таким культурным смыслом и стали дарить друг другу при прощании на память. Поскольку особая омофония китайского языка играет огромную роль в формировании культуры, традиций и обычаев Китая, при составлении комментариев следовало бы, на мой взгляд, учитывать и этот аспект, что, я уверена, автор книги непременно сделает в последующей работе.

Такое же разнообразие мы видим в схемах рифмовки: в стихотворениях “Вместо ответного письма отвечаю Чжан Цзи” (с. 29), “Флейта на реке” (с. 31), «Отвечая на “Сон на горной станции”» (с. 35), “Осенние цикады” (с. 43) и других рифмовка попарная/смежная (*аабб*); в стихотворениях “Башня доброй вести...” (с. 33), “Откровение во сне” (с. 37), “Вспоминаю Юаня Девятого” (с. 41), “Шлю во внутренние покои” (с. 51) – перекрестная (*абаб*); а в стихотворениях “Ночь праздника холодной пищи” (с. 39), “Посылаю старшему брату” (с. 47), “Белый древовидный пион” (с. 67), “Со стихами Юаня Девятого иду под дождем навестить императорского цензора Юаня Восьмого” (с. 71) – опоясывающая (*абба*).

Подобная свобода в выборе размеров и рифм отличает стихотворения, написанные на алфавитных языках, но не соответствует строгой форме уставного стиха *цзюэ-цзюй*. Это были четверостишия по 5 или 7 иероглифов в каждом стихе, с цезурой после второго слога в пятисложных и после второго (короткая) и четвертого (длинная) слогов в семисложных стихах [马悦然/Ма Юэ-жань/Malmqvist, 2015], со строгими правилом чередования ровных и модулирующих тонов и схемой рифмовки: с рифмой в первом (вариативно), втором и четвертом стихе, приходящейся только на ровный тон [Сторожук, 2009, с. 57]. Н.А. Орлова строго соблюдает требование количества строк – их неизменно четыре, даже если длина варьируется от 4-стопного (“Два четверостишия об озерном берегу”, с. 177–178; “Навещаю Хуан-фу Седьмого”, с. 189) до 10-стопного ямба (“Воспитанница театральной школы Грушевого сада”, с. 125; “Старик весной”, с. 185) или 7-стопного амфибрахия (“Песня о сборе лотосов”, с. 133), где каждый стих делится цезурой на два полустихия и оформляется в две полустроки, где вторая – со сдвигом вправо. Рифма есть во всех стихотворениях, даже если это ассонансная рифма, как, например, в стихотворении “Четверостишие об украшении экрана стихами” (с. 93):

Твои строки пишу на экране –
я помню тебя,
Вывожу и сверяю их сам,
своих сил не щадя.

И к экрану списать их, давась,
устремится толпа,
Оттого-то на юге бумаги
подскочит цена!

Н.А. Орловой удалось создать именно поэтический перевод стихотворений Бо Цзюй-и, а также по возможности передать культурно-исторические и философские мотивы, присутствующие в оригинале.

В заключение отмечу, что сборник производит самое благоприятное впечатление как качеством составления, перевода и комментирования, так и высоким уровнем художественного оформления, отчего сразу же обратил на себя внимание специалистов, откликнувшихся на него весьма благоприятными рецензиями [Дмитриев, Ульянов, 2017, с. 548–557; Кобзев, 2017, с. 563–578]. За его создание Н.А. Орлова удостоилась 29 мая 2018 г. престижной премии Посольства КНР в РФ на Третьем конкурсе переводов китайской литературы “Вдумчиво всматриваемся в Китай”. Эта изящная книга предназначена для широкого круга читателей и вполне может быть переиздана массовым тиражом, особенно с учетом того, что Н.А. Орлова продолжает переводить и изучать стихотворения Бо Цзюй-и [Орлова, 2017, с. 513–529].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бо Цзюй-и. *Четверостишия*. Пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Л. Эйдлина. М.: Гослитиздат, 1949.
- Дмитриев С.В., Ульянов М.Ю. О книге переводов стихотворений Бо Цзюй-и. *Общество и государство в Китае*. Т. XLVII, ч. 2. М.: ИВ РАН, 2017 (Ученые записки Отдела Китая, вып. 23). С. 548–557.
- Кобзев А.И. О русских переводах стихов Ду Фу и Бо Цзюй-и. *Общество и государство в Китае*. Т. XLVII, ч. 2. М.: ИВ РАН, 2017 (Ученые записки Отдела Китая, вып. 23). С. 558–578.
- Орлова Н.А. Проблемы поэтики четверостиший (*цзюэ-цзюй*) Бо Цзюй-и. *Общество и государство в Китае*. Т. XLVI, ч. 2. М.: ИВ РАН, 2016 (Ученые записки Отдела Китая, вып. 21). С. 453–477.
- Орлова Н.А. Композиционные приемы третьей строки в четверостишиях (*цзюэ-цзюй*) Бо Цзюй-и. *Общество и государство в Китае*. Т. XLVII, ч. 2. М.: ИВ РАН, 2017 (Ученые записки Отдела Китая, вып. 23). С. 513–529.
- Смертин Ю.Г. Бо Цзюй-и: светлый гений танской эпохи. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2013. № 9. Ч. 2. С. 172–178.
- Сторожук А.Г. Слово и цифра: знаковая структура уставных стихов. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*. Сер. 13. 2009. Вып. 1. С. 43–67.
- Три вершины, семь столетий. Антология лирики средневекового Китая в переводе Сергея Торопцева*. СПб.: Гиперион, 2017.
- 万年历疯狂查询 wannianli.fkcha.com [Электронный ресурс] Режим доступа: http://wannianli.fkcha.com/year_818_month_10.html (Дата обращения 15.10.2017).
- 大 БКРС [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bkr.s.info/> (дата обращения 15.10.2017).
- 马悦然. 如何翻译杜甫诗歌 (Ма Юэ-жань. Malmqvist G. Как следует переводить поэзию Ду Фу). *华西都市报* (Хуа-си ду-ши-бао). 2015-07-16. Электрон. версия печат. публ. URL: http://www.catl.org.cn/2015-07/16/content_36067187.htm (дата обращения: 19.10.2017).

REFERENCES

- Bo Ju-yi. Sto stihov jue-ju [Bo Ju-yi. One Hundred Jue-ju]* / Translated from *wenyan*, prefaced and commented by N.A. Orlova. M.: FGBUN IV RAN Publ., 2017. – 218 p. – (Uchenye zapiski Otdela Kitaya IV RAN [Scientific Notes of the Department of China]. Vol. 25 / Ed.: A.I. Kobzev et al.) (in Russian).
- Dmitriev S.V., Ulyanov M.Yu. O knige perevodov stihotvoreniy Bo Ju-yi [On the Translation of Bo Ju-yi's poems] // *Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and State in China]*. T. XLVII, ch. 2. M.: IV RAN Publ., 2017 (Uchenye zapiski Otdela Kitaya [Scientific Notes of the Department of China]. Vol. 23 / Ed.: A.I. Kobzev et al.). Pp. 548–557 (in Russian).
- Kobzev A.I. O russkikh perevodakh stihov Du Fu i Bo Ju-yi [On Russian Translations of Du Fu's and Bo Ju-yi's Poems] // *Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and State in China]*. Vol. XLVII, i. 2. M.: IV RAN Publ., 2017 (Uchenye zapiski Otdela Kitaya [Scientific Notes of the Department of China]. Vol. 23 / Ed.: A.I. Kobzev et al.). Pp. 558–578 (in Russian).
- Orlova N.A. Problemy poetiki chetverostishiy (jue-ju) Bo Ju-yi [Problems of Poetics of Bo Ju-yi's Quatrains (Jue-jiu)] // *Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and State in China]*. Vol. XLVI, i. 2. M.: IV RAN Publ., 2016 (Uchenye zapiski Otdela Kitaya [Scientific Notes of the Department of China IV RAN]. Vol. 21 / Ed.: A.I. Kobzev et al.). Pp. 453–477 (in Russian).
- Orlova N.A. Kompozitsionnye priyomy tret'ej stroki v chetverostishiyah (jue-ju) Bo Ju-yi [Compositional Techniques of the Third Line in Bo Ju-yi's Quatrains (jue-jiu)] // *Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and State in China]*. Vol. XLVII, i. 2. M.: IV RAN Publ., 2017 (Uchenye zapiski Otdela Kitaya [Scientific Notes of the Department of China IV RAN]. Vol. 23 / Ed.: A.I. Kobzev et al.). Pp. 513–529 (in Russian).
- Smertin Yu.G. Bo Ju-yi: svetlyy geniy tanskoj epohi [Bo Ju-yi: Bright Genius of the Tang Era] // *Istoricheskie, Filosofskie, Politicheskie i Yuridicheskie Nauki, Kul'turologiya i Iskustvovedenie. Voprosy*

Teorii i Praktiki [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Art History. Questions of Theory and Practice.]. Tambov: Gramota Publ., 2013. No. 9. i. 2 (in Russian).

Storozhuk A.G. Slovo i cifra: znakovaya struktura ustavnyh stihov [Word and Figure: Sign Structure of Regulated Verses] // *Vestnik SPbGU*. Vol. 13. 2009. i. 1. Pp. 43 (in Russian).

Tri vershiny, sem` stoletij. Antologiya liriki srednevekovogo Kitaya v perevode Sergeya Toropceva [Three Peaks, Seven Centuries. An Anthology of Lyrics of Medieval China Translated by Sergei Toroptsev]. Saint Petersburg: Giperion Publ., 2017 (in Russian).

大 BKRS Available at: <https://bkrs.info/>

万年历疯狂查询 wannianli.fkcha.com. Available at: http://wannianli.fkcha.com/year_818_month_10.html (Accessed 15 October 2017)

马悦然. 如何翻译杜甫诗歌(Ma Yue-zhan` / Malmqvist G. How to translate Du Fu`s Poetry) // 华西都市报 (Xua-si du-shi-bao). 2015-07-16. Available at: http://www.catl.org.cn/2015-07/16/content_36067187.htm (Accessed: 19 October 2017).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

<p>РУБЕЦ Мария Владимировна – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии РАН, Москва, Российская Федерация.</p>	<p>Maria V. RUBETS – PhD (Philosophy), Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.</p>
---	---